

За последние тридцать лет, кажется, состоялось возвращение всех несправедливо забытых имён выдающихся писателей, художников, композиторов, учёных, эмигрировавших из России после революции 1917 года. Издано множество биографий и мемуаров о жизни русской эмиграции в Европе и в Америке. Тем удивительнее, что имя замечательного графика,

книжного иллюстратора и мультипликатора-новатора, предвосхитившего цифровые съёмки своим рукотворным «игольчатым экраном», мистика и художника-мыслителя Александра Алексеева до последнего времени не было известно широкой публике в России. Выдающийся мастер-экспериментатор не удостоивался сколько-нибудь полного исследования у себя на родине.

Валерия Исмиева — кандидат философских наук, доцент Института мировых цивилизаций, член Союза литераторов России.

Характерно: в интернете и сейчас наиболее подробные сведения о нём даёт не русскоязычная, а билингвистическая ссылка: «Александр Алексеев — *Alexandre Alexeieff*» (с ударением на последнем слоге). Что отражает особенность биографии: Россию юный Александр покинул в 18 лет, а остальную часть жизни провёл преимущественно во Франции, в Париже, и ныне воспринимается французами как часть их культурного достояния (подобно тому, как это произошло с испанцем Пикассо). Способствовало такому положению и решительное самодистанцирование Алексеева от эмигрантских кругов. Что, однако, не мешало ему вновь и вновь возвращаться в воспоминаниях к годам, проведённым в России, и с азартом браться за иллюстрирование русской классики.

И вот, наконец, спустя почти полвека после смерти художника, вместо досадного белого пятна на культурно-исторической карте России проявился если не континент, то по крайней мере удивительный остров с подробной картографией местности и тончайшей нюансировкой не только биографических данных, но и творческих странствий Александра Алексеева — и в прямом, и в переносном смысле. Книга написана творческим дуэтом профессионалов. Результат их труда получился во многих отношениях замечательным и заслуживает статуса выдающегося фундаментального исследования.

Перед нами тот ныне редчайший случай, когда неспешный темп ра-

боты (авторы трудились над книгой семь лет) определялся интеллектуальной ответственностью: решимостью провести тщательные изыскания (в том числе в частных архивах у нас и за рубежом) и не менее трудоёмкую работу по осмыслению материала, в том числе с позиций искусствоведческих, и его филигранную оркестровку. При этом из небытия удалось извлечь даже забытые имена русских учителей Алексеева, подробности, связанные с годами странствий и с родословной будущего художника (например, отец Алексеева, полковник Генерального штаба, не был убит турком, как сообщали различные публикации, а скончался от воспаления верхних дыхательных путей в Баварии). «Потерянный рай Александра Алексеева» — одновременно и биография, и культурно-историческое исследование, и внимательный художественный анализ результатов напряжённых творческих поисков художника и его неутомимой эволюции. Ведь Алексеев для каждой из полусотни проиллюстрированных им книг разрабатывал совершенно уникальную оптику и изобразительную манеру, применял разнообразные техники, порой чрезвычайно трудоёмкие и сложные. На страницах книги по мере становления прорисовывается неоднозначный характер: творец и эгоцентрик, энергичный и доброжелательный, азартно сосредоточенный на любимой работе, глубоко интровертный и склонный к самоотстранению (даже в дневниковых записях Алексеев предпочитал гово-

речь о себе в третьем лице, используя псевдоним «Альфеони»).

Изложение коллизий, внешних и внутренних, этого вечного двигателя поисков художника, отражено и в названиях глав и подглавок. В книге объёмом почти 450 страниц два блока иллюстраций: в одном, чёрно-белом, архивные фотографии, одна из них с прекрасным фотопортретом глубоко погружённого в свои мысли зрелого мастера — представлена на обложке как своего рода эпитафия к повествованию (точно так же как крупный план рук — его визуальный эпилог); во втором, цветном, — репродукции избранных работ Алексева — хотя их малое количество вызывает скорее голод и настоятельное: ещё, ещё!

Оглавлению предшествует библиографический список из почти 200 наименований, многие из которых — статьи о творчестве Алексева, написанные создателями книги: невозможно уместить под обложкой всеохватный рассказ о каждом из циклов иллюстраций и экспериментах с анимацией («Нос» и «Ночь на Лысой горе» — это шедевры со своим космосом). Зато вовлечённый читатель будет ощущать и движение мощных волн истории, и кипящую пену кильватеров культурных событий, пересекающих акваторию индивидуальной судьбы. Сквозь зыбь событийной канвы авторы различают глубоководные течения характера своего героя и логику его поисков, помогают читателю почувствовать нерв интеллектуального напряжения и мистических озарений, сопут-

ствовавших художественным диалогам Алексева с Гоголем, Пушкиным, Достоевским, Толстым, Андерсеном, Мальро, Сервантесом, Эдгаром По, Гофманом, Бодлером... Авторы биографии показывают, что за удивительно лёгкой, почти минималистичной манерой Алексева-иллюстратора, сочетающей сюрреализм, символизм, абсурдизм, поэтический реализм — напряжённое вслушивание и философское осмысление произнесённого и утаённого автором, со-настройка с книгой, способность уловить не столько букву, сколько дыхание или даже скрытую музыку текста, найти им парадоксальную с традиционной точки зрения небуквальную интерпретацию. Ещё более это свойство проявляется во взаимодействии мультипликационных работ Алексева с музыкой.

Каким образом «реальная» жизнь и творчество соединяются в индивидуальной судьбе? Ответ на этот вопрос всегда сложен для исследователей, но Л. Звонарёва и Л. Кудряцева подошли к теме наиболее плодотворным способом, не упрощая себе задачу. Позволю себе сравнение с баховской кантатой № 140: в этом произведении композитор соединил хор и оркестр, причём верхние голоса поют долгими длительностями аскетичную мелодию, созданную за полтора столетия до кантаты, остальные голоса более динамично исполняют трехголосье, а оркестр в это время играет весьма оживлённую музыку — и всё это многозвучье прочно связывают высокие точки оркестровой партии: из них выстра-

ивается начальная и ключевая музыкальная фраза, а духовная мелодия нисходит в земное и восходит к небесному (от хора к оркестру и обратно, создавая насыщенный смыслами музыкальный объём). Таким же способом движется и повествование, его переплетающиеся темы, поданные структурно взвешенно и внешне свободно, с отточенной артикуляцией высказывания и жеста, которые можно определить словом «мера».

Его начальные ноты заданы «предысторией» рода Алексеевых, детством и юностью Александра, порой первого пробуждения души и художественной оптики (знаменательно вот это, проходящее «красной нитью» через всю его биографию: *«Темнота продолжала его всегда пугать дьявольской мистикой. Удивительно, как в этом ещё ребёнке уже сильны переживания контрастов темноты и света, которые станут основообразующими в его графической стилистике. Её нервом <... >»* и здесь же: *«Настоящий мир грёз ему открывали книги. К девяти годам он свободно говорил на трёх языках...»*) Это — тема предназначения и его духовной устремленности, высокие ноты хора. В то время как в более низких регистрах остальные голоса «проявляют» повседневный план жизни с её настоящими заботами о заработке (Алексеев создал ряд блестящих рекламных роликов и своё решение заняться коммерческим искусством обозначил кратко: «Тогда к Альфеони явился Дьявол»). Легато в этих регистрах связывают его и с «земным планом» бытия, с

любимыми женщинами и дочерью, и с выдающимися творческими людьми своего времени. Оркестровое звучание представляют сменяющие друг друга картины, связанные с перипетиями биографии и эпохи. И над всем этим — те самые ключевые ноты оркестра, играющие не иссякающую тему России: ностальгии, воспоминаний, тихой нежности и глубокой печали.

Так к какой же стране и культуре можно отнести Александра Алексеева, к русской или французской? И возможен ли однозначный ответ? Л. Звонарёва и Л. Кудрявцева видят свою задачу в другом, и ответ их значительно глубже и интереснее. Помимо иллюстративного ряда и деликатных прикосновений к знакам внутренней жизни, дневниковых записей, воспоминаний дочери и друзей, приводимых в книге, тоска по родине и мечта о ней, навсегда утраченной в реальности и трансформированной в художественный мир Александра Алексеева, неотделимой от него, стали аурой повествования и внутренним светом, свидетельством того, что художник навсегда сохранил свою прочную духовную связь с родиной. Многозначность такого понимания отражает и название книги. Но мильтоновский парафраз потерянного рая у каждого, кто её откроет, постепенно трансформируется в образ обретения и радости пусть поздней, но такой убедительной встречи выдающегося художника с читателями и зрителями в современной России.

Москва